

Алексей КУДРЯШОВ

г. Сокол

Вологодской области

(очерк-расследование)

Кто подставил «Демьяна-Медного», или «Карамора» по-вологодски: засекреченная трагедия агента царской охраны, по делу которого допрашивали сестру Ленина.

«Если борьба, так уж герои с обеих сторон»
М. Горький. «Карамора»

В 1924 году Максим Горький написал небольшой рассказ «Карамора». Сразу оговоримся, что недавний одноимённый «революционно-вампирский» телесериал Даниила Козловского не имеет ничего общего с творением писателя. «Карамора» Горького – это исповедь убеждённого революционера, в силу обстоятельств ставшего секретным агентом царской охраны и теперь ожидающего за это казни. Главный герой, получивший от отца вынесенное в заголовок прозвище – караморой называют уродливого комара с длинными ножками, – терзается не от осознания близости смерти, а от мыслей о том, была ли его работа на охранку предательством товарищей.

Горький нащупал очередную болезненную точку общества, которое только-только начинало от-

ходить от революционных потрясений и Гражданской войны. Дальнейшему прогрессу сильно мешало прошлое – ведь рядом с победителями продолжали жить как ни в чём не бывало их вчерашние классовые противники.

Безопасность нового государства требовала сурово разобраться в первую очередь с теми, кто в своё время защищал царскую Россию от распоясавшихся революционеров. Но особый счёт был к бывшим секретным сотрудникам охраны – по терминологии той поры, «провокаторам», поскольку они, с точки зрения революции, «предавали» своих товарищей. Таких, по мнению новой власти, нужно было судить показательно, чтобы никому не повадно было. Пришло время открытых судебных процессов над ними – предвестников будущих политических судилищ над оппозицией.

Началось всё достаточно громко – в январе 1925 года в Москве судили 65-летнего «народовольца»

Ивана Окладского, уличённого в том, что он 30 с лишним лет получал жалование как секретный сотрудник охраны. Только преклонный возраст спас подсудимого от расстрела – Окладскому дали 10 лет лишения свободы.

А между тем в каждом российском регионе были свои «Окладские», пусть и не с таким «стажем». Достаточно сказать, что в составленной ОГПУ (Объединённым главным политическим управлением) картотеке бывших сотрудников охраны к тому времени значилось уже порядка 10 тысяч персоналий, и кропотливая работа по их выявлению не прекращалась вплоть до Великой Отечественной войны.

В 1926 году волна показательных судебных процессов над уличёнными агентами царской охраны докатилась и до тихой Вологды.

На скамье подсудимых один за другим оказались три бывших секретных сотрудника Вологодского губернского жандармского управления (ВГЖУ): 2 апреля 1926 года начался открытый процесс над Александром Григорьевичем Коншиным (оперативный псевдоним «Демьян»), 19 апреля судили Ивана Евгеньевича Мальчикова («Апполинарий»), и, наконец, в сентябре очередь дошла до Николая Александровича Печковского («Антон»).

Все они обвинялись по статье 58-13 тогдашнего Уголовного кодекса – в «активных действиях против рабочего класса и революционного движения, проявленных в должности секретного сотрудника». Наказание по этой статье – от трёх лет лишения свободы до расстрела, но всем вологодским подсудимым дали по пять лет.

Впрочем, Мальчикову уже через несколько месяцев реальный срок заменили на условный, а приговор Печковскому Верховный суд сперва вообще отменил, отправив дело на доследование. Лишь в декабре 1927-го Печковского на повторном заседании суда отправили-таки в места не столь отдалённые, но всего на три года. И только приговор Коншину, по делу которого была допрошена даже сестра Ленина Мария Ульянова, остался без изменений.

По сути, все эти люди пострадали только за то, что были полезными государству. Но не тому, которое их осудило.

Агентурный интерес

Рубеж XIX–XX веков стал переломным для структур, обеспечивавших безопасность Российской империи. Возросшая активность оппозиционных сил требовала новых, более действенных методов работы, и нашлись умные люди, сумевшие их внедрить.

Одним из главных реформаторов системы поли-

тического сыска в России стал Сергей Васильевич Зубатов (1864–1917), начинавший как секретный сотрудник и дослужившийся до начальника Особого отдела Департамента полиции. Зубатов ввёл много нового в арсенал политического сыска – фотографирование всех арестованных, дактилоскопию, разработал системы наружного и внутреннего наблюдения. Но главная его заслуга в том, что он во главу угла поставил организацию секретной агентуры и грамотную работу с ней, справедливо полагая, что это самый эффективный способ получения достоверной информации о противоправной деятельности. Максимальная осведомленность при минимальной активности агента – вот к чему, по мнению Зубатова, нужно стремиться.

Зная на собственном опыте агентурную работу, Сергей Васильевич уделял особое внимание выстраиванию правильных отношений с агентурой и тщательной конспирации. Своим сослуживцам он говорил: «Вы, господа, должны смотреть на сотрудника как на любимую женщину, с которой вы находитесь в нелегальной связи. Берегите её как зеницу ока. Один неосторожный ваш шаг, и вы её опозорите. Помните это, относитесь к этим людям так, как я вам советую, и они поймут вас, доверятся вам и будут работать с вами честно и самоотверженно».

Вологодское губернное жандармское управление не сразу познало ценность секретной агентуры – за неимением таковой. Проверка деятельности ВГЖУ, проведённая Департаментом полиции в конце 1907 года, показала полную беспомощность местных структур. «Никакой секретной агентуры ни у начальника местного ГЖУ, ни у местной полиции совершенно не имеется», – читаем в отчёте.

Как выяснила историк Евгения Пылаева, первый список секретных сотрудников по ВГЖУ появился лишь в феврале 1908 года, включал в себя семь человек, работавших в разных уголках Вологодчины, и был составлен с нарушением предписания о неразглашении настоящих имён агентов.

В 1908–1914 годах на считавшейся местом ссылки «политических» Вологодчине, по подсчётам историка Фёдора Коновалова, действовали 132 секретных агента ВГЖУ. В советское время всех их без разбору зачисляли в разряд провокаторов, однако этот эмоциональный ярлык вводит в заблуждение и не отражает реальную сущность их работы.

В современной юридической литературе под провокатором понимается не просто агент, состоящий в революционной организации и информирующий о её деятельности, а такой негласный сотрудник, который своими действиями побуждает к преступным деяниям с целью дальнейше-

го разоблачения и ареста побуждаемых. Провокация подразумевает искусственное создание условий для преступления, но прежде всего – согласие и готовность подозреваемого лица совершить противоправные деяния.

Царская охранка всегда отреклась от «культуривования» провокаторства среди своих секретных агентов. В инструкции по организации и ведению внутренней агентуры, составленной Московским охранным отделением, прямо указывалось: «Сотрудники, состоя членами революционных организаций, ни в коем случае не должны подстрекать других на преступные деяния и, таким образом, подводить их под ответственность за сделанное по их же наущению».

Но надо признать, была во всём этом доля лукавства: инструкции не отличались конкретикой, а потому могли быть истолкованы исполнителями весьма вольно. Соответствующие же пробелы в законодательстве позволяли жандармам успешно практиковать для борьбы с «противозаконными сообществами» любые средства.

– Для вологодских жандармов работа с секретной агентурой была совершенно новой формой деятельности, – поясняет кандидат исторических наук Фёдор Коновалов. – Вместе с тем нужно констатировать, что сотрудники ВГЖУ сумели относительно быстро в неё включиться и овладеть умениями и навыками вербовки. Итогом всех усилий стало создание достаточно массовой сети секретной агентуры, охватившей практически все основные оппозиционные силы в губернии.

Согласно инструкции по организации и ведению внутренней агентуры, подготовленной Московским охранным отделением, все привлечённые к сотрудничеству лица разделялись на три категории: собственно секретных сотрудников, вспомогательных агентов и так называемых штучников. При этом к секретным сотрудникам относились агенты, «состоящие членами преступных сообществ», к категории вспомогательных – агенты, «которые хотя и не входят в преступные организации, но, соприкасаясь с ними, постоянно содействуют делу розыска, исполняя различные поручения и доставляя для разработки материал по деятельности партии», а штучники определялись как лица, «доставляющие сведения, хотя бы и постоянно, но за плату за каждое отдельное свое указание на то или другое революционное предприятие или выступление какого бы то ни было сообщества».

В 1910 году в одной только Вологде действовали 18 секретных сотрудников ВГЖУ, однако в зарплатной ведомости на 1 января 1914-го остались лишь

четверо, в том числе главная удача – агент «Демьян», освещавший деятельность социал-демократов в Главных железнодорожных мастерских (теперь это Вагоноремонтный завод).

Дело № П-8978 скрывавшегося под этим псевдонимом Александра Коншина хранится в архиве УФСБ России по Вологодской области и до сих пор засекречено. Тем не менее предоставленные УФСБ открытые материалы, а также поиски в Государственном архиве Вологодской области (ГАВО) и Вологодском областном архиве новейшей политической истории (ВОАНПИ) позволяют в общих чертах проследить судьбу этого человека, оказавшегося в жерновах больших перемен.

«Понаехавшие»

Согласно заполненной при аресте анкете, Александр Григорьевич Коншин родился 10 декабря 1890 года в деревне Брызгалово Вострой волости Устюгского уезда – ныне территория Нюксенского района Вологодской области. Подтвердить эти данные записью в сохранившихся метрических книгах местных церквей не удалось – ГАВО предоставил справку, что записи о рождении «Демьяна» в указанный период времени отсутствуют.

Зато в ГАВО нашлось прошение в Вологодское губернское по делам крестьянства присутствие от местного жителя Григория Ивановича «старшего» Коншина, датированное 1888 годом (ф. 15, оп. 1, д. 5528). Приведённые там факты не позволяют однозначно утверждать, что автор – отец «Демьяна», но дают представление, почему Коншины могли переехать в Вологду.

Григорий Иванович жаловался губернскому начальству на несправедливое, на его взгляд, наказание за незаконную заготовку дров – 141 руб. 56 коп. штрафа. У семьи Коншиных из 5 едоков (плюс наёмный работник) имелось две лошади, 4 коровы, пара овец, однако в счёт уплаты власти распорядились... «ополовинить» хозяйство: забрать лошадь, двух коров и овцу.

После такого грабежа, да ещё когда вскоре один за другим родились сыновья-погодки (если речь действительно идёт о родных «Демьяна», то у Александра был младший брат Григорий), пришлось не жить, а выживать. Возможно, именно поэтому, когда сыновья подросли, глава семейства и решил отправиться на заработки вместе с ними в Вологду.

В 1906 году в губернской столице были пущены Главные железнодорожные мастерские – тогда единственное крупное предприятие города с числом работавших около тысячи (в Вологде всего-то проживало порядка 30 тыс. человек). Главу

семейства взяли слесарем в паровозный цех, а сыновей – в ученики: Александр стал осваивать профессию токаря, а Григорий – слесаря, как отец.

Коншины сняли квартиру не так далеко от места работы – на втором этаже дома Мятлина на улице Богословской (нынешней Воровского; дом этот, располагавшийся между улиц Октябрьской и Кирова, до наших дней не сохранился).

Энергии у молодых ребят, не обременённых семьями и «в бога не верящих» (цитата из протокола дознания), было хоть отбавляй, и они сразу попали под влияние социал-демократов, набравших силу в мастерских.

– В 1907 году Коншин был учеником в мастерских и частенько нам помогал разбрасывать прокламации, – расскажет про Александра выступавший в качестве свидетеля на суде в 1926 году бывший рабочий мастерских, революционер Николай Гаврилович Хрулёв. – Мы его считали хорошим парнем, и уже в 1908 году он был членом группы социал-демократов. В 1909–1910 годах Коншин у нас заведовал печатанием прокламаций и по нашему поручению имел связь с сестрой Цыбарева, которая работала машинисткой в городской управе, печатала на «восковке» прокламации.

Первый раз полиция взяла братьев «на карандаш» в 1909 году. Утром 1 мая в мастерских обнаружили разбросанные листовки. Согласно агентурным сведениям ВГЖУ (ГАВО, ф. 108, оп. 4, д. 175), печатать прокламации помогли братья Коншины, а пронёс на предприятие тоже кто-то из них. Подозрения пали на младшего, 17-летнего Григория, который пришёл на работу раньше других. Его в тот же день, 1 мая, арестовали. Но уже через неделю освободили – ничего не смогли доказать.

По этому делу допросили и 18-летнего Александра Коншина, но тот пошёл в отказ – мол, ничего не знаю, листовки разбросали, когда ещё «чай дома пил».

30 июня 1909 года под нажимом прокурора дознание за недостаточностью улик прекратили, но Коншиным это дорого стоило: младшего брата Григория, угодившего под арест, пусть и короткий, начальство мастерских сразу же уволило, а отца нервотрёпка просто подкосила – он серьёзно заболел. Скорее всего, Григорий с отцом вернулись в родное Брызгалово – по крайней мере, сведений об их дальнейшей жизни в Вологде найти не удалось.

А вот Александру «урок» впрок не пошёл – начинающий токарь продолжил «мутить» с социал-демократами.

«Демьян» родился!

К маю 1910 года авторитет Александра Коншина среди рабочих настолько вырос, что будущему «Демьяну» доверяют организацию марксистских кружков. Более того, его выбирают в редколлегию первого в Вологде нелегального революционного издания – журнала «Молот», затеянного ссыльной Людмилой Быстровой. Любопытная деталь, характеризующая степень откровенности будущего агента: журнал прекратили издавать ещё до того, как Коншин стал секретным сотрудником, но почему потом «Демьян» ничего не рассказал о нелегальном издании куратору? В ВГЖУ узнали о «Молоте» лишь от агента «Антонна» через несколько месяцев (!) после прекращения издания...

Тем не менее деятельность социал-демократов в мастерских нервировала власти и требовала решительных действий. В начале ноября 1910-го ВГЖУ в очередной раз устроило у ряда рабочих обыски. Хотя ничего предосудительного и в этот раз не нашли, «для острастки» всех поголовно доставили в жандармское управление. Попал «под раздачу» и Александр Коншин.

Допрашивал задержанных лично начальник ВГЖУ полковник Штольценбург. Кричал, угрожал, но без особого успеха. И только Коншин, что называется, дал слабину.

Со слов «Демьяна» известны две версии, как он стал секретным агентом. На дознании в 1917 году, когда, собственно, и вскрылось его сотрудничество с ВГЖУ, он заявил, что пошёл на это «из-за тяжёлого материального положения, поскольку остался единственным кормильцем в семье».

На суде же в 1926 году Коншин будет упирать на то, что его шантажировали. Мол, обронил на допросе неосторожно: «Ничего не знаю... Если бы знал – сказал». Опытный профессионал Штольценбург уцепился: «Не знаешь – так узнай, вознаграждение получишь. А откажешься – в тюрьме сгною!»

В тот же день, 3.11.1910 г. (в некоторых документах фигурирует другая дата – 5.04.1910, но это ошибка, вызванная неразборчивым почерком писаря в одной из ведомостей), Коншин согласился давать сведения.

Мы, наверное, так и не узнаем, почему Штольценбург присвоил ему оперативный псевдоним «Демьян». Может, полковник симпатизировал баснописцу Ивану Крылову: название басни последнего «Демьянова уха» стало расхожим выражением, когда кому-то предлагают что-то очень навязчиво и против воли...

«Медные» трубы

Первое своё жалование в качестве секретного сотрудника – 3 рубля – «Демьян» получил именно за тот ноябрь, когда его «взяли». За декабрь он заработает уже 15 рублей, однако по платёжным ведомостям будет проходить как «штучник». Лишь с 11 мая 1911 года его окончательно переведут в разряд секретных сотрудников.

Судя по всему, полковник Штольценбург поначалу не возлагал особых надежд на нового агента, раз определил его в штучники, а куратором назначил вместо себя ротмистра Попеля. Однако ситуация изменилась после того, как в июле 1911 года начальником ВГЖУ стал полковник Михаил Александрович Конисский, прославившийся тем, что в 1898 году, будучи жандармским ротмистром в Тифлисе, умудрился привлечь к ответственности за антиправительственную агитацию самого Горького (да-да, будущего автора «Караморы» – вот ведь ирония судьбы, не находите?).

Конисский с явным недоверием отнёсся к доставшейся «по наследству» от Штольценбурга секретной агентуре. Особые сомнения у него вызвал почему-то именно Коншин, хотя тот продолжал регулярно снабжать ВГЖУ весьма любопытными сведениями. Например, в феврале 1911-го штучник «Демьян» сообщал о том, что в Вологодских главных железнодорожных мастерских «особенного внимания заслуживает рабочий паровозного цеха Павел Дмитриев Селиванов, который старается организовать железнодорожных рабочих». А в июле 1911-го «Демьян» поставил ВГЖУ в известность о подозрительной деятельности ссыльного Вячеслава Скрябина – того самого, который позже возьмёт псевдоним «Молотов» и на долгие годы станет правой рукой самого Сталина: «Проживающие в Вологде ссыльные Александр Аросев, Вячеслав Скрябин и Николай Мальцев задалась целью организовать там с.-д. фракцию, для чего стремились завязать сношения с ж.-д. рабочими и местными жителями. Самым деятельным из них является Скрябин, по предложению которого 11 июня вечером в кустарниках за городом была организована сходка...»

Последнее сообщение настолько заинтересовало Конисского, что новый начальник ВГЖУ продублировал его Санкт-Петербургскому районному охранному отделению. Однако там сведения восприняли без должного энтузиазма, поскольку упомянутые заговорщики вскоре должны были покинуть Вологду в связи с окончанием срока ссылки, и обескураженный Конисский решил впредь подкреплять информацию агента конкретной, добытой иным способом.

Так с лёгкой руки нового начальника Александр Коншин с конца июля 1911 года по сентябрь 1912-го становится... объектом наружного наблюдения ВГЖУ под кличкой «Медный» (ГАВО, ф. 108, оп. 1, д. 5262) – уникальный для Вологды случай, когда действующий секретный сотрудник попадает в «разработку»:

«Наблюдение за «Медным». Установка: Коншин Александр Григорьевич, 21 г., кр[естьянин] Устюгского уезда, рабочий Волог. главных жел-ных мастерских. Проживает: в д. Игнатъевой по Бестуженской ул. [видимо, после отъезда брата с отцом пришлое поменять место жительства; в дальнейшем «Демьян» сделает это ещё не раз, подыскивая, очевидно, более дешёвый вариант. – Прим. авт.] Приметы: лета 21 г., рост средн., телосложения тонкого, цвет волос русый, лицо худощавое, брови русые, нос обыкновенный, бороду бреет, усы чуть пробиваются, походка шаткая, тип русский, особ. прим. нет. Одет: в пиджачный костюм коричневого цвета, брюки навыпуск, чёрная мягкая шляпа».

Интересно сравнить это описание с характеристикой, которую даёт Коншину в своих воспоминаниях «Из прошлого революции» (ВОАНПИ, ф. П-3837, оп. 3, д. 222) упомянутый в его донесении соратник Молотова Александр Яковлевич Аросев (1890–1938) – кстати, отец известной актрисы Ольги Аросевой:

«На другой день по приезде я познакомился с т.Коншиным. Хорошо сложенный русский парень. Любитель пофрантить. Аккуратный. На столичный лад. Неизменная тросточка. Вся осанка европейская. Поэтому от него веет холодом и отчуждённостью. Умный, но не бряцающий умом.

Коншин был непосредственным руководителем ж. д. организации. В квартиру Скрябина он являлся за инструкциями. Впрочем, его появления у нас были весьма редки, так как на углу нашей улицы дежурили посменно два шпики. [...]

...Мы смелели день ото дня. Однажды даже отправились вчетвером – Скрябин, Мальцев, Коншин и я – на массовку за город.

Глядя на франта Коншина, в котором довольно гармонично сочетались и деловитость, и лёгкость, я иногда недоумевал, что не трус ли он. Но в этот раз, идя на массовку и присутствуя на ней, я заметил, что тов. Коншин как бы совершенно лишён чувства страха. Так он был спокоен и деловит».

Подчеркнём: эти строки написаны в 1924 году, когда уже стало известно, что Коншин работал на ВГЖУ. Учитывая сей факт, можно и простить автору ни разу не упомянутую в деле о наблюдении за «Медным» «неизменную тросточку» – набивший оскомину атрибут провокатора в представлении рево-

люционеро́в. Остаётся надеяться, что Аросев только в этой детали дал волю фантазии...

Филёры, следившие за «Медным» по поручению Конисского, добросовестно день за днём фиксировали уход Коншина на работу в мастерские, возвращение на обед, опять на работу, а также бытовые мелочи: посещение магазинчика, где «объект» покупал бутылочку горячительного, поход с приятелем на охоту... Осенью началось кое-что поинтереснее: 7 ноября «Медный» приходит в дом № 16 по Громовской улице (ныне часть проспекта Победы), где были открыты просветительские курсы для рабочих железнодорожных мастерских. А потом и вовсе была замечена непривычная «движу́ха»: «Медный» привёз на курсы бумагу и стулья из дома Будкина на Подлесной улице (ныне улица Горького).

А ведь именно благодаря этим курсам Коншин – единственный из вологодских секретных сотрудников! – в буквальном смысле войдёт в историю. В «Очерках истории Вологодской организации КПСС» 1969 года издания читаем: «По инициативе большевиков железнодорожной партийной организации в Вологде с 1 октября 1911 года начали функционировать вечерние курсы для рабочих. [...] Однако курсы просуществовали всего четыре месяца. Через провокатора Коншина жандармерия узнала о подпольной работе на курсах...»

«Демьян» действительно информировал Конисского о выступавших на курсах лекторах, и начальник ВГЖУ в конце концов принял решение пресечь «распространение заразы». Именно в провале этих курсов и обвиняет Коншина в 1917 году, когда вскроется его сотрудничество с ВГЖУ.

Зато Конисский остался доволен агентом, стал встречаться с ним лично на конспиративных квартирах и даже увеличил ему жалованье – сначала до 20, а потом и до 30 рублей в месяц. В письме от 27 февраля 1912 года начальник ВГЖУ с гордостью рапортовал руководству: «Ныне Вологодские мастерские, где около 900 человек, освещаются сотрудником вверенного мне управления «Демьяном». Были ещё сотрудники «Аким» и штучник «Железнов», но «Аким» перешёл на линию ж.д., а «Железнов» куда-то выбыл» (ГАВО, ф. 108, оп. 4, д. 90, л. 46). В том же письме Конисский просил не внедрять в мастерские других агентов, дабы не мешать «Демьяну».

Ценность агента росла день ото дня. Вот всего лишь две шифрограммы, имеющие к нему непосредственное отношение:

«31 января 1912 года, Петербург, нач. охранного отделения.

Вологодские партийные предлагают сотруднику «Демьяну» съездить в Петербург, дадут явочные ад-

реса, телеграфируйте желательность этой поездки, будет стоить 15 рублей. Полковник Конисский».

«Вологда, нач. Губ. жандармского управления.

Поездка, по-видимому, полезна.

Полковник Котен».

О результатах этой командировки «Демьяна», если она всё-таки состоялась, мы ничего не знаем – на суде 1926 года она так и не «всплыла». Впрочем, агенту хватало дел и в Вологде.

Летом 1912 года стартовала кампания по выборам в Государственную думу. В предвыборный штаб вошёл и Коншин. Революционно настроенные силы решают выдвинуть в выборщики общего кандидата. Остановились на фельдшере Иване Ермолаеве, но того внезапно арестовали. Тогда сошлись на присяжном поверенном Владимире Трапезникове, однако и тут дело не заладилось: вскоре основные действующие лица предвыборной кампании были задержаны, а отпущены, лишь когда предвыборная суэта закончилась.

Как свидетельствовал на суде в 1926 году уже упомянутый Николай Хрулёв, именно тогда у подпольщиков зародились первые сомнения касательно Коншина:

– Жандармы всегда были хорошо осведомлены, а Коншин стал вести себя подозрительно, пьянствовал; и мы стали за ним следить...

Рабочий Мохов заметил за ним какую-то связь с жандармами, тогда мы стали его остерегаться...

Правда, потом выяснится, что предвыборные аресты производились по наводке совсем другого секретного агента – «Пацевича», но тогда подозрения пали на Коншина. Тем не менее, по свидетельству Владимира Трапезникова, «партийный суд под председательством фельдшера И.Е. Ермолаева его оправдал, а обвинителю его, рабочему В.И.Мохову [до суда над «Демьяном» в 1926 году тот, кстати, не доживёт – погибнет в 1920 году при странных обстоятельствах в железнодорожной катастрофе. – **Прим. авт.**], вынес порицание».

Стоит отметить, что деятельный Шура (так все звали Коншина) в то время входил в состав тройки, которая руководила всей политической работой в Главных железнодорожных мастерских.

– Коншин «исправлял» большие внутренние дела, – вспоминал Александр Аросев. – В узком кругу комитетчиков обсуждал высокую политику или брал конспиративные поручения по добыче гектографа, хранению печати, денег, документов и т.п.

Владимир Трапезников, допрошенный впоследствии по делу «Демьяна», в альманахе «Каторга и ссылка» (№ 6 за 1925 г., стр. 218) охарактеризовал Коншина как «одного из наиболее развитых и по виду наиболее преданных делу ра-

бочего класса рабочих» и даже подкрепил свои слова цитатой Ленина: «Коншин пользовался громадной популярностью и влиянием на рабочих, настраивая их против интеллигенции и проводя мысль, что «освобождение рабочих должно быть делом исключительно рабочих».

В 1914 году Коншин, как закалённый в борьбе социал-демократ, вошёл в состав правления новых, куда более многочисленных, курсов для рабочих «Просвещение». Сменивший к тому времени Конисского на посту начальника ВГЖУ полковник Иванов, как будто ничего не знавший о деятельности «Демьяна», но исправно продолжавший платить ему жалованье, отметит в рапорте от 15 апреля 1914-го: «По агентурным сведениям, Коншин убеждённый с.-д. и проходил по наблюдению под кличкой «Медный». Неоднократно подвергался обыскам, каковые были безрезультатны» (ГАВО, ф. 108, оп. 1, д. 5714, лл. 22-22 об).

В 1926 году на суде «Демьян» заявит: «Да, сведения давал. Но в предательстве невиновен. Я ничего им существенного не сообщал, только по мелочи, это нельзя назвать предательством товарищей. Сильно тяготился этим, но уйти не мог – боялся...»

Но тех ли боялся «бесстрашный», по определению Александра Аросева, Коншин?

Удивительный факт: если после Февральской революции 1917 года Коншина обвинили только в провале курсов для рабочих, то на показательном процессе 1926-го круг обвинений значительно расширится: в вину «Демьяну» поставят и аресты во время выборов, и обыски, в том числе у сослуживцев в Вологде младшей сестры Ленина Марии Ульяновой, – фактически обвинят чуть ли не во всех провалах социал-демократов. Рвение обвинения понятно: как-никак процесс Коншина стал первым, да и сам «Демьян» не скрывал, что не один год верой-правдой служил секретным сотрудником – большая редкость для такого рода деятельности. Выгодно было списать все просчёты на него одного. А что, если с перспективным Шурой просто сводили счёты, мстили ему за его популярность в народе, за то, что вовремя не разоблачили?..

Кстати, с сестрой Ленина вообще неловко получилось. На суде было заявлено, что обыски у неё прошли с «подачи» Коншина, однако в рассекреченных показаниях по этому делу, взятых у Марии Ильиничны «в Кремле, на квартире товарища Ленина», сестра вождя мирового пролетариата категорична: «Фамилии Коншина я даже не помню». По её словам, обыски случились из-за утечки информации в Питере (что подтверждается документально: основанием для обысков послужил запрос питерской ох-

ранки – ГАВО, ф. 108, оп. 1, д. 5819, лл. 248-249), однако суд не принял это во внимание...

Но не будем забегать вперёд.

В конце 1914 года над головой пристрастившегося к бутылке «Демьяна» начали сгущаться тучи: коллеги стали его сторониться, да и он сам спяну мог наговорить лишнего. ВГЖУ приняло решение временно вывести ценного агента «из игры» и устроило его перевод в Ярославль, в тамошние железнодорожные мастерские.

5 марта 1915 года очередной (и последний) начальник ВГЖУ полковник Соловьёв направит своему ярославскому коллеге совершенно секретное письмо-рекомендацию – мол, в Ярославль выбыл на постоянное жительство бывший его сотрудник «Демьян», «вполне заслуживающий доверия». В этом же письме простым подстановочным шифром – цифры вместо букв – назывались ФИО агента и его адрес, что впоследствии станет чуть ли не главной уликой против Коншина.

– Мы с ним в 1915 году там встретились, – рассказывал на суде в 1926-м Николай Хрулёв. – Коншин пользовался авторитетом среди ярославских рабочих, а стороной шли слухи, что и там он занимается провокацией.

Однако никаких документальных свидетельств этому не нашлось. Сам же «Демьян» потом будет утверждать, что «всякие сношения с полицией прекратил с начала 1915 года». Но его это не спасёт – приближались новые времена.

Охота на «демона»

После Февральской революции по всей России начали разбирать архивы распущенных жандармских управлений – искали сотрудничавших с царским режимом. В Вологде этим с первых дней марта 1917 года занималась Комиссия общественной безопасности, в задачу которой входило лишь установление факта сотрудничества и информирование об этом населения через газеты.

А уже в ночь на 17 марта Коншина и ещё нескольких бывших осведомителей арестовали «во внесудебном порядке» – практиковали тогда такую процедуру. При задержании в Ярославле у «Демьяна» изъяли 160 рублей и блокнот, который, впрочем, никак владельца не компрометировал. Главными доказательствами сотрудничества Коншина с ВГЖУ послужили найденные в архиве агентурные записки от «Демьяна» плюс то самое письмо-рекомендация.

На допросе 22 марта в Вологодской губернской тюрьме – фактически единственном – Коншин чистосердечно признается: «Подтверждаю, что в сношениях с жандармским управлением я состоял. [...]

Под влиянием тяжкой нужды и нищеты пошёл я на сношения с охранкой. Кличка моя – «Демьян». [...] Мои показания были таковы, что по возможности не заключали в себе прямых оговоров» (ГАВО, ф. 110, оп. 1, д. 3, л. 86).

Объяснения Коншина и его раскаяние вроде бы вполне удовлетворило членов комиссии, самое активное участие в работе которой тогда принимал, кстати, наш старый знакомый – юрист Владимир Трапезников. В тот же день, когда проводился допрос, появилось ходатайство комиссии (за подписью Трапезникова) о нецелесообразности дальнейшего содержания «Демьяна» и прочих разоблачённых агентов охраны под стражей: «Заключение их в тюрьму имело в виду отнять у них возможность скрыть следы их деяний. Держать их далее под стражей было бы актом мести, который только унижал бы новый политический строй. [...] Бесцельное содержание их под стражей только озлобит их и толкнёт в объятия контрреволюции, тогда как задача нового строя – сделать из них полезных в будущем граждан» (ГАВО, ф. 110, оп. 1, д. 4, л. 25). В связи с вышеизложенным комиссия предлагала немедленно освободить Коншина и других бывших агентов из-под стражи.

Однако сделано это почему-то не было. А вскоре и Трапезников со скандалом покинул комиссию, заявив, что та не слишком-то спешит с разоблачением бывших секретных сотрудников ВГЖУ.

Лишь 17 августа 1917-го судьбу продолжавшего томиться в тюрьме «Демьяна» решила Вологодская губернская комиссия по рассмотрению дел лиц, подвергнутых внесудебному аресту. Эта комиссия пришла к выводу, что сознавшийся бывший агент более «не представляет угрозы государственному строю и общественной безопасности», а потому его надлежит «немедленно из-под стражи освободить» (ГАВО, ф. 110, оп. 1, д. 3, л. 99).

– В 1917 году, – заявил на суде 1926-го всё тот же Николай Хрулёв, – я встретил снова Коншина в Вологде. Мы вместе с Савиным спрашивали его о провокаторстве, он только плакал и говорил: «Я ничего большого не сделал, простите».

Между прочим, Николай Хрулёв, являвшийся в 1926-м ответственным секретарём 1-го Горрайкома ВКП(б), остался к тому времени чуть ли не единственным живым подпольщиком в городе и, пользуясь этим, опубликовал ряд статей по истории местного революционного движения, не забыв в них и про свою скромную роль. И именно Хрулёв больше других дал показаний по делу Коншина. А что, если партийный функционер, пользуясь своим положением, намеренно «топил» бывшего коллегу по борьбе?..

Информация к размышлению

Согласно показаниям писаря ВГЖУ Дмитрия Стрекаловского, данным Комиссии общественной безопасности в 1917 году, уже после того, как Коншина отправили в Ярославль, «много сведений доставлял из ж.-д. мастерских «Ганичев». Но кто он – не знаю, так как все сведения шли через Череповецкое жандармское отделение Северных ж. д. Он давал сведения по продовольствию и относительно открытия Гос. думы» (ГАВО, ф. 110, оп. 1, д. 4, л. 5 об.).

Агент «Ганичев» так и остался нераскрытым.

Не мог ли это быть тот же Хрулёв, позже занявший высокий пост и всеми силами постаравшийся отвести от себя малейшие подозрения?

Впрочем, под псевдонимом «Ганичев» мог скрываться и любой другой партийный деятель – например, коллега Хрулёва по мастерским Антон Казак, репрессированный в 1930-х.

Что касается фактически оставшегося к середине 1920-х в гордом одиночестве бывшего подпольщика Хрулёва, то последние сведения о нём, какие удалось найти, относятся к 1929 году – он стал тогда делегатом региональной партконференции...

Но давайте всё же прекратим «охоту на ведьм» и вернёмся к бедняге Коншину.

Опозоренный, заклеимённый в печати как провокатор, «Демьян», едва очутившись на свободе, сразу уехал из Вологды в неизвестном направлении.

Но мытарства его, как оказалось, на этом не закончились.

Большевики, пришедшие к власти после Октябрьской революции, повели себя куда жёстче Временного правительства и объявили всех «пособников» охраны прямыми врагами строящегося социалистического государства – по сути, «врагами народа», хотя это определение и появится чуть позже. А врагов для начала нужно изолировать.

Розыск «Демьяна» поручили сотруднику Вологодского отдела ОГПУ Михаилу Бодрову. Сын крестьянина Кадниковского уезда, Михаил Васильевич, согласно предоставленной УФСБ справке, был помладше разыскиваемого – родился он в 1899 году. Прошёл Гражданскую войну и в распоряжение Волгубчека прибыл в 1921 году из политуправления Южного фронта. За

добросовестное выполнение обязанностей в 1924 году награждён именными часами и к тому времени считался уже опытным чекистом.

Бодров не подвёл. Коншина он обнаружил в 1925 году на далёкой станции Губаха Пермской железной дороги. «Демьян», решивший, что самое страшное уже позади, и не сообразивший хотя бы поменять фамилию, к тому времени успел уже жениться, а в 1924 году у него даже родилась дочь. Несмотря на это, Коншина арестовали и этапировали в Вологду.

Показательный процесс проходил три дня в Доме Революции (нынешний ТЮЗ), и там было не протолкнуться – каждый вологжанин мечтал увидеть «живого провокатора». Показания давали 16 свидетелей, главным из которых стал тот самый бывший писарь ВГЖУ Стрекаловский, лично заполнявший зарплатную ведомость, где фигурировал «Демьян». Смирившийся с судьбой Коншин был внешне спокоен, в заключительном слове в очередной раз подтвердил, что сотрудничал с охранкой, но оговорился при этом, что «всегда поддерживал Советскую власть и честно трудился после Октябрьской революции».

Тщетно: его приговорили к 5 годам «строгой изоляции».

Последний арест

В Вологду после «отсидки» «Демьян» уже не вернулся – обосновался вместе с семьёй в Нижнем Тагиле. Как явствует из его анкеты, в октябре

1940 года он работал техником-дефектовщиком в ремонтно-механическом цехе Уралвагонзавода – для уроженца вологодской глубинки с «политической» судимостью, имевшего всего 4 класса образования и специальности нигде не учившегося, очень даже приличное местечко. Жена Зинаида трудилась на том же предприятии приёмщицей, а дочка Серафима ходила в школу.

Крест на спокойной жизни был поставлен 24 октября 1940 года: нижнетагильская милиция вновь арестовала Коншина – очевидно, «зачищая» от «неблагонадёжных элементов» стратегическое предприятие, где вскоре будут собирать танки. По информации вологодского историка Леонида Панова, на сей раз «Демьяна» обвинили в «антисоветской агитации» по традиционной для того времени статье 58-10 и приговорили к 8 годам лагерей.

На свободу бывший секретный сотрудник уже не вышел – сердце не выдержало: он умер 9 сентября 1942 года, немного не дожив до 52-го дня рождения.

Справедливость восторжествует: 21 апреля 1993 года Александр Григорьевич Коншин был реабилитирован по инициативе Вологодской областной прокуратуры. Но дело его остаётся засекреченным по сей день.

Что же за тайны оно скрывает, если даже спустя почти столетие доступ к нему всё ещё ограничен?..

□

Алексей Анатольевич КУДРЯШОВ

родился в 1969 году в городе Соколе Вологодской области.

Окончил факультет журналистики СПбГУ,

с тех пор работает в прессе Вологды.

В настоящее время – редактор информационно-издательского центра «Вологда-Портал».

Неоднократно становился лауреатом премии имени Гиляровского – высшей награды областной организации Союза журналистов.

В журнале «Север» публиковались его очерки-расследования

«Пароль – «Пелагея», «Её подлинное имя»,

«Пленник «Святой Анны» и «Изгнанник Республики ШКИД».

